

От субботы к воскресенью

КОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Григорий.
Вера.
Кузьма Фомич
Катерина.
Михаил.
Федор.
Клавдия.
Виктор.

Действие первое

Деревенская изба. Обстановка – чуть ниже среднего сельского достатка. Между большой русской печью и дощатой перегородкой – вход в кухню. За печкой невидный зрителям вход в другую комнату. За окном июль, предвечерье. Григорий, мужчина лет под пятьдесят, умывается. Вера, милостивая еще женщина лет около сорока, убирается в комнате.

ГРИГОРИЙ. Под этим рукомойником разве вымоешься? Все равно баню надо топить.

ВЕРА. Гриша, когда ж теперь топить, вот-вот придут.

ГРИГОРИЙ. Ну и что мне теперь из-за них еще неделю чесаться? Зарод сегодня метали, под рубахой одна труха.

ВЕРА. Новую надень. Кто ж так-то гостей встречает?

ГРИГОРИЙ. Каких гостей? Кому ж они гости, тебе может? Погоди, а чего это ты сама-то вырядилась?

ВЕРА. Скажешь тоже «вырядилась»... Ничего я не вырядилась, суббота же.

ГРИГОРИЙ. Ну и что, ты каждую субботу вот так демонстрируешься?

ВЕРА. Почему каждую-то?

ГРИГОРИЙ. А счас зачем?

ВЕРА. Так гос... так люди же придут.

ГРИГОРИЙ. Какие люди?! Да и вообще ты-то здесь с какого боку, тебе-то чего тут потребовалось?

ВЕРА. На стол надо будет чего-то собрать, встретить, а кто ж сделает-то как не я?

ГРИГОРИЙ. Какой стол? Стол она им еще будет...! Вон, поставь два стула у порога и дальше их ни на шаг. Гости она нашла. Вот, погоди-ка... (*Выбегает в сенцы и приносит оттуда грязный, весь заляпанный краской табурет.*) Вот, это ему поставишь. И даже газетку не стели. (*Собирает и уносит стулья.*) А остальные все спрятать, они у меня тут не рассидятся.

ВЕРА (*кивая на табурет*). Ему-то за что, когда уж ей.

ГРИГОРИЙ. Ничего себе «за что»... Бабу увел, теперь сам ко мне зачем-то идет, а я перед ним должен кресло ставить? У порога и чтоб дальше ни на полшага.

ВЕРА. Гришка, ребенок ты что ли, ты наоборот ей покажи, что не пропал еще и пропадать без нее не собираешься. И на табуретку эту ее посади. Не силой же он ее увел, сама убежала.

ГРИГОРИЙ. А куда, куда б она убежала, если б не он?

ВЕРА. Все равно, не за пустым же столом сидеть, маленько-то хоть надо чего-то.

ГРИГОРИЙ. Ничего не надо, даже соль убери.

ВЕРА. Ну и тебе же хуже. Про тебя же и скажут, что голодом сидишь. Даже соли, скажут, нету в доме.

ГРИГОРИЙ. Вон, на комод поставь, хоть три пачки, даже сахар можешь, чтоб видели, а на стол – ничего.

ВЕРА. Где он у тебя сахар-то? Может по делу идут, может об чем поговорить хочут, а он...

ГРИГОРИЙ. А тебе какая забота, что они там?... А-а-а! Так вон ты с чего тут суетишься, с чего вертишься-то! А я-то, дурак, и сообразить не могу зачем это ты в банный день вырядилась. Перед ним значит хочешь покрасоваться. Смотри, мол, какая я еще не старая, на сколько той-то моложе.

ВЕРА. Мелешь, а чего – сам не знаешь.

ГРИГОРИЙ. Да нет уж, теперь-то знаю, теперь-то дошло. И на Катьку ты не оттого злая, что от меня убежала, а оттого, что тебе дорогу перебила.

ВЕРА. Чего мне перебивать?

ГРИГОРИЙ. А вырядилась зачем?

ВЕРА. Просто так-то нельзя что ли одеться?

ГРИГОРИЙ. Просто так... Заставишь вас просто так одеваться. Если уж вырядилась, так и знай – свинью какую-нибудь подложит.

ВЕРА. И никакую ни свинью, прибраться пришла, сестра я тебе или кто?

ГРИГОРИЙ. Вот именно – сестра! И если только начнешь ему глазки

строить, я тебе голову откручу. Как сестре. Понятно? Бабу у меня увел, а теперь еще и сестра ему на шею кидается.

ВЕРА. Куда кидаться, если твоя там вцепилась – не оторвешь.

ГРИГОРИЙ. А если бы не она, так с разбегу и кинулась бы?

ВЕРА. Сам поживи на моем месте. Тут двое, да еще Ленке в город посылать надо, а кто поможет, ты что ли? Сколько уж лет прошло как Федька разбился, семь? Вот семь годов и мантулюсь с ними и кто когда поинтересовался как мне приходится?

ГРИГОРИЙ. Приходится... Самому, вот, пришлось – дальше некуда. Он же больной, из-за этого и пить бросил. Всю жизнь по конторам, да по складам сидит. Может он чахоточный какой, а вы... Нашли жениха.

ВЕРА. А тут не до здорового. Ребятишек бы одеть, обусть, да еще и учить их вон сколько надо.

ГРИГОРИЙ. Ага, так и расщедрился он на твоих ребятишек, держи карман. Когда они должны подойти-то?

ВЕРА. К вечеру сказали, а кто их знает когда точно.

ГРИГОРИЙ. Дожил значит Гришка... В собственном доме собственную бабу с чужим мужиком встречать приходится.

ВЕРА. А тут еще...

ГРИГОРИЙ. Что?

ВЕРА. Да Петька мой вчера им окошко разбил.

ГРИГОРИЙ. Ну и молодец.

ВЕРА. Молодец... Научили, скажут. А я и правда ни сном ни духом, сегодня только бабы сказали. (*Услышав стук ворот, выглядывает в окно*). Вон, идут. Вместе идут и он и она, как будто б парочка какая.

(*Григорий кинулся переодеваться, но сообразив, что поздно, остановился, не зная что ему делать.*) Стой да и все, будто б не знал, что придут.

ГРИГОРИЙ. Может, больным притвориться?

ВЕРА. Ага, скажут: с неделю только как убежала, а он уж пропадает лежит.

(Входит Кузьма Фомич с сумкой. Следом, робко, прячась за его спину – Катерина, бывшая жена Григория.)

КУЗЬМА ФОМИЧ. Можно к вам?

ВЕРА. Можно, можно, проходи, Кузьма Фомич.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Ну, выходит, здравствуйте!

ВЕРА. Здравствуй, здравствуй, Кузьма Фомич!

КАТЕРИНА. Здравствуй, Гриша!

(Григорий встал в независимый позу у окна – не отвечает.)

КУЗЬМА ФОМИЧ. А хозяин-то что: не выспался или в расстройстве каком?

ВЕРА. С работы только пришел, пристал шибко.

ГРИГОРИЙ *(Кузьме Фомичу, кивая на Катерину).* Что, обратно, сдавать пришел?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Зачем сдавать? Такие бабы на улице не валяются. Я теперь тебе ее и за тысячу не отдам. Сесть-то у вас на что-нибудь имеется?

ВЕРА *(взглянула на брата, но тут же решила делать по-своему).* Имеется, имеется, Кузьма Фомич. Счас я тебе. *(Выносит стул)* Вот, садись, гостем будешь.

КУЗЬМА ФОМИЧ *(садится).* А на двоих-то гостей уже не хватает мебели или как?

ВЕРА. Почему же это не хватает? Только я подумала: ей и сидеть-то непривычно, наверно, шибко уж бегать наповадилась.

КАТЕРИНА. Ничего, я постою, Вера. Я так постою, Гриша, не беспокойтесь.

(Вера демонстративно пошла за табуретом, но, подержав его в руках, под взглядом Григория, поставила его на место и вынесла стул.)

ВЕРА *(подавая стул Катерине).* Да уж хоть маленько-то надо бы посидеть, не весь же век бегать.

(Катерина робко на краешек присаживается. Молчат.)

КУЗЬМА ФОМИЧ *(вытираясь).* Вот баньку так баньку хозяйка вытопила, аж счас еще пот бежит.

(Григорий только тут замечает, что гости после хорошей бани и произвольно начинает чесаться.)

ВЕРА. Гриша!

ГРИГОРИЙ. Что «Гриша»? Они там два часа распаривались пока мы тут с тобой... Вон, спинку ему, наверно, два часа терла.

КАТЕРИНА. Не, я отдельно, Гриша. *(Потихоньку, стараясь, чтобы тот не заметил, отодвигается от Кузьмы Фомича.)*

КУЗЬМА ФОМИЧ. Это погоди, что ж мы теперь, выходит, у тебя должны спрашиваться отдельно нам мыться или вместе? Ну и терла, а тебе какое дело?

ГРИГОРИЙ. Ну и тритесь там сколько влезет, а передо мной потом не садитесь после этого.

КАТЕРИНА *(стараясь отодвинуться еще дальше).* Не, я отдельно, Гриша, отдельно, хоть у кого спроси.

КУЗЬМА ФОМИЧ *(Катерине.)* А чего ты перед ним оправдываешься, ему-то какое дело? Это его совесть грызет, вот он и чешется.

ГРИГОРИЙ. Кого, это меня-то совесть? Это еще разобраться надо, кого она грызть должна. Меня вот, к примеру, она нисколько не грызет, а вот некоторых... *(Молчат. Григорий не может сдержаться и снова произвольно чешется.)*

КУЗЬМА ФОМИЧ *(Катерине.)* О, видишь как она его не грызет.

ВЕРА. Да не мылся он, не мылся, Кузьма Фомич. Зарод сегодня метал, а сполоснуться не успел – вас ждали.

ГРИГОРИЙ. Кто это их ждал, я ждал? Да я про них... Нужны они мне! Я про них и во сне не думал.

ВЕРА. Ну не ждал, так все равно не мылся же ты?

ГРИГОРИЙ. Кто не мылся? Это я-то не мылся? Да я может получше чем они там... Не мылся...

ВЕРА. Гришка, ну так что здесь такого-то? Ну не мылся, да не мылся, не успел и все. Дак так-то лучше, чем вон, как они про совесть говорят. *(Говорят.)* И не совесть никакая и не нервы – сполоснуться не успел.

ГРИГОРИЙ. Я тебе дообъясняюсь.

КАТЕРИНА. К Кузьме Фомичу бы пришел, Гриша.

ГРИГОРИЙ. Куда-а? это что они тут насмеяться надо мной пришли?

КАТЕРИНА. Пошто насмеяться-то, Гриша? Там и счас пару – хоть отбавляй, а Кузьма Фомич ругался бы что ли?

ВЕРА. Ага, все б втроем и пошли. А ты бы им спинки терла.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Ладно, пусть в следующий раз приходит, так уж и быть, пущу его последним, после баб, только со своими дровами, конечно. *(Григорию.)* По утрам-то еще пока моешься?

ГРИГОРИЙ *(Вере).* Это кто из сюда привел, в красный угол посадил?

ВЕРА. Гриша, ну... Ну сядь да посиди спокойно. Раз пришел человек, не просто же так он пришел, значить обговорить чего-то надо. Вот и давай, сядь да и поговорим спокойно.

(Григорий ищет на что бы сесть, не найдя стула машинально садится на табурет, приготовленный для гостя).

ГРИГОРИЙ. Ладно, пусть высказывается, да побыстрей, а то некогда мне тут с ними.

ВЕРА *(Гостям).* Пристал он шибко, Кузьма Фомич, весь день зароды метал на такой жаре. Ты-то как покос свой выкосил поди уже?

КУЗЬМА ФОМИЧ. А чего ждать: вон какая погода.

ВЕРА. А тут... Григорий все на колхозном, к своему и подступиться некогда, а дождь того и гляди зарядит.

ГРИГОРИЙ. Что, помощи поди просишь?

ВЕРА. Почему помощи-то?

ГРИГОРИЙ. А чего тогда распространяешься? Когда надо, тогда и выкошу. Или что, к нему сходить прикажешь перед этим разрешения попросить?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Зачем просить? Раз решил ждать дождя – коси под дождичком. *(Катерине).* Для него так даже и лучше будет – штаны с рубахой заодно постираются. *(Григорию).* Только намылся перед этим хорошенько. Ладно, Григорий, не ругаться я к тебе пришел. Давай-ка вот,

после баньки. (*Вынимает из сумки бутылку.*)

ВЕРА (*видя, что Григорий борется с собой*). Не надо это, Кузьма Фомич. Последнее время он к ней и не притрагивается, зачем опять начинать.

(*Похвала сестры помогла Григорию перебороть себя.*)

КУЗЬМА ФОМИЧ. Это как же так понимать: Гришка, да отказывается? (*Катерине.*) У него видно закусить нечем, корки хлеба в доме нету, вот он и съежился.

ГРИГОРИЙ. Это у меня-то нету? (*Вере.*) Ну-ка, неси! Покажи им как у меня нечем.

ВЕРА. Чего нести-то?

ГРИГОРИЙ. А все неси! Все, чтоб они увидали, да не сидели тут, не радовались.

ВЕРА (*гостям*). Мы же не знали точно когда вы придете, ничего и не готовили.

ГРИГОРИЙ. Что ты тут с ними объясняешься. Счас, я им сам. (*Соскочил с табурета, но что-то вспомнив, остановился.*)

КУЗЬМА ФОМИЧ. Что, или откуда доставать выбрать не можешь, весь дом продуктом заваленный?

ГРИГОРИЙ. Искать неохота, а то я б тебе показал как «нечем».

КУЗЬМА ФОМИЧ. Ты уж тогда свинью живьем сюда загони, больше-то все равно показывать нечего. Или что, сама с голоду околела?

ВЕРА. Поросята-то справные, Кузьма Фомич. Хозяйка убежала, а им хоть бы хны: и кормленные и поеные.

ГРИГОРИЙ. Бутылку он притащил... Это за нее что ли? Так за нее шибко уж много, чекушки хватит. Да и ту я от тебя не возьму. Я тебе сам за нее, за то, что забрал, литр поставлю, только уводи ее отсюда поскорей.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Ладно. Тогда у меня к вам другой разговор будет.

(*Прячет в сумку бутылку и вынимает оттуда осколок стекла*)

Это что?

ВЕРА (*сразу сникнув*). Так что... Стекляшка, Кузьма Фомич.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Верно, стекло. (*Вынимает другой осколок*). А вот

это что?

ВЕРА. Тоже стекло.

КУЗЬМА ФОМИЧ. А вот тут ты врешь. Дай-ка ножик или вилку.

ВЕРА. Зачем?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Да не бойся, еще бы я с вилкой на него не ходил.

Для дела надо.

(Вера вопросительно смотрит на Григория.)

ГРИГОРИЙ. Да хоть топор давай, что я его бояться буду?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Топор тут ни к чему. Ну ложку дай, ложкой-то я его не зарежу. Хотя, с его-то харчами и ложкой стукни...

(Григорий вдруг быстро выбегает в сенцы и возвращается с топором.)

ВЕРА. Гришка.

ГРИГОРИЙ *(отдает топор Кузьме Фомичу.)* На, бери, а я с ложкой буду и посмотрим кто кого.

КУЗЬМА ФОМИЧ *(кладет топор под стул).* Еще бы я с тобой не охватывался. *(Вере.)* Он что и ложки все пропил?

ВЕРА *(кивая на Катерину.)* А это пусть она скажет куда все ложки подевались.

КАТЕРИНА. Я же не все взяла, Вера, оставила. Больше-то я же ничего не брала.

КУЗЬМА ФОМИЧ. А, это которые принесла-то? Я их сразу же выбросил. У меня с набору, посеребренные, а с этих только собак кормить. Ну так есть у вас что-нибудь полезное?

(Вера и Григорий молчат.)

Ладно, топором придется. А то вещь так вы еще и не поверите, пока сами не услышите.

(Стучит топором по стекляшке). Это как?

ВЕРА. Так как, не знаю Кузьма Фомич.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Как звенит, спрашиваю?

ВЕРА. Так как, по стеклянному вроде.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Верно, по стеклянному. *(Стучит по другому*

осколку). А это как?

ВЕРА. Тоже по стеклянному.

КУЗЬМА ФОМИЧ. А вот тут ты врешь.

КАТЕРИНА. Правда, Кузьма Фомич, по стеклянному.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Это почему?

КАТЕРИНА. А что бы по другому-то звенело ее рукой не надо держать.

КУЗЬМА ФОМИЧ. А как же?

ГРИГОРИЙ. В зубы возьми.

КАТЕРИНА. На ниточке надо. Да отступился бы ты, Кузьма Фомич.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Нитка-то хоть найдется у вас?

ГРИГОРИЙ. Т что сюда фокусы пришел показывать?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Ладно, без фокусов обойдемся. Фокусы я вас потом самих делать заставлю, если только мне на слово не поверите. (*Показывает два осколка*). Вот это вот – стекло. А вот это – хрусталь.

ГРИГОРИЙ. Хочешь сказать: ты хрусталь, а я – стекляшка?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Про это никто не спорит, от хрусталя бабы не бегают. Но тут про другое разговор, здесь еще вот это имеется. (*Вынимает из сумки камень*.)

ГРИГОРИЙ. А это что, алмаз поди или золото?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Этим золотом мне вчера всю стеклину вдребезги. Вот, осколочек. А вот этот – от вазы.

ВЕРА. Это какой еще вазы-то?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Хрустальной, других не держим. (*Обрисовывает контур вазы*). Вот такого размеру. Сто семнадцать рублей.

ВЕРА. Так если ваза-то, Кузьма Фомич, то они однако (*обрисовывает*) вот такие бывают.

ГРИГОРИЙ. Слышал? (*Обрисовывает*). Вот такие вазы бывают, а за вот такую ты вот это получишь (*показывает кукиш*).

КУЗЬМА ФОМИЧ. Получу, за это не беспокойся, все получу, а за подстрекательство еще и штраф стребую.

ГРИГОРИЙ. Ага, вон оно как! Ну, Веерка, беги быстрее продавай

корову, а то мы с его штрафом век не расплатимся.

КУЗЬМА ФОМИЧ. А кто окошко разбил, кто вазу угробил?

ГРИГОРИЙ. А кто еще кроме тебя? Если ты и тут-то, в гостях, не успел зайти, сразу топор потребовал, да начал им стекляшки бить, так дома наверно давно уж все перебил.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Ага, так значит? Ну так вот: за подстрекательство вы еще и вдвойне заплатите.

ВЕРА. Да какое же подстрекательство, Кузьма Фомич? Я сегодня только и узнала, а про вазу эту и совсем ничего не слышала.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Окошко вставьте, вазу откупите, да еще и штраф в размере вазы за подстрекательство выложите.

ГРИГОРИЙ. Ты гляди... А может штраф-то тебе в размере его чего-нибудь выложить?

КУЗЬМА ФОМИЧ. А добром не захочете – в сельсовете по повестке стребую.

ВЕРА. Кузьма Фомич, так с чего какая ваза-то взялась? Ну стеклину ладно, Гришка вставит, а зачем же еще какую вазу-то?

ГРИГОРИЙ. Погоди-ка, погоди-ка... (*Берет у Кузьмы Фомича камень*). Вот это, говоришь, доказательство?

КУЗЬМА ФОМИЧ. С собственного полу подобрал.

ГРИГОРИЙ. Ага, с полу говоришь? А чем ты докажешь, что счас по дороге его не подобрал? Может тот-то вдвое меньше был, а ты нашел на дороге эту булыжину, да и быстрее к нам, перед нами им похвастаться?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Больше или меньше, не все равно? Вазы-то нету?

ГРИГОРИЙ. Уж ты умный какой, все равно ему. Да если б меньше был, он бы мимо пролетел.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Это куда пролетел?

ГРИГОРИЙ. Мимо, вот куда! Да так оно и было. Тот камень вдвое меньше был и пролетел мимо, не задел твою вазу. Но тебе это, конечно, не понравилось, и ты тут же камешек-то вдвое больше нашел, да и зазвездил, чтобы вазу свою зацепить, да перед нами теперь осколочком помахивать,

двойной размер требовать.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Так. Значит я собственные окошки бью и радуюсь? Тогда давайте справку.

ВЕРА. Какую?

КУЗЬМА ФОМИЧ. А что я дурак и окошки сам себе бью. Нету справки? Тогда выкладывайте вместе со штрафом. А если отречься станете...

ВЕРА. Да не отрекаемся мы, Кузьма Фомич: Петька разбил – Гришка вставит, а только зачем же вазу-то, да еще и штраф какой-то.

ГРИГОРИЙ. Вот именно, вазу ему... За каким чертом ты ее у окошка ставил?

КУЗЬМА ФОМИЧ. А тебе какое дело? Куда хочу – туда и ставлю.

ГРИГОРИЙ. А я тебе скажу зачем. Смотрите, мол, люди какой я богатый, хрусталь аж в сервант не помещается. Смотрите и завидуйте! Так как же после этого ее не разбить? Ты еще удивляйся, что так долго терпел народ. А не ее пацан, так другой кто все равно бы разбили. Так что ж ты после этого с нас требуешь?

(Входит Михаил, сын Григория и Катерины, парень лет 27)

МИХАИЛ. О, сразу две семьи, какая теперь тут моя-то? Ну, здоров, чудилы!

ГРИГОРИЙ. Опоздал, Мишка. Тут счас фокусы представляли. Возьмет стекляшку в зубы, постучит по ней топором – хрусталь получается. Жалко, говорит, ниточку не захватили, тогда б, вообще золото-серебро вышло. А за то, что показал – сто семнадцать рублей требует. В двойном размере.

КАТЕРИНА. Миша, ребятишек-то привел?

МИХАИЛ. Во дворе с Наташкой тетки Веркиной, играют. Ну и как вы тут, миритесь, выясняете или что делаете-то?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Ты, сядь Михаил, ты парень с головой, вот с тобой вместе и разберемся.

ГРИГОРИЙ. Вот именно, Мишка, сядь-ка. Хорошо, что забежал, счас вдвоем-то мы у него быстро выпытаем где это он такие законы в двойном

размере находит.

МИХАИЛ. А чего не сесть – сяду. Где у вас стулья-то?

ВЕРА. Так стулья... Один-то еще остался, однако.

МИХАИЛ. А остальные где?

ГРИГОРИЙ. Пропил! От радости, что их вот увидел.

ВЕРА. Ничего он не пропивал. Попрятали мы их, чтоб некоторые ночью не залезли, да не унесли как ложки.

ГРИГОРИЙ. Точно! И продукты попрятали! А то б я ему показал как закусить нечем. Садись, Мишка, да чего-нибудь такое скажи, чтоб он язык-то свой ученый тут не проглотил.

МИХАИЛ (*садится*). Ну и про что спорите-то?

ВЕРА. Петька мой...

ГРИГОРИЙ. Погоди, Веерка. Петька, значит, племяш, в окошко ему звезданул. Все по справедливости да и камень-то совсем другой был. А он, значит, теперь к нам на радостях. Все в двойном размере, да еще и штраф в размере вазы требует. Это как, а?

МИХАИЛ. Окошко что ль разбили, Фомич?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Хорошо бы еще окошко, а то и вазу хрустальную.

МИХАИЛ. Ну и как решили?

ГРИГОРИЙ. Так все в двойном размере вместе со штрафом. Как ты на это смотришь?

МИХАИЛ. А чего тут смотреть? Еще Сталин сказал: «Сын за отца не ответчик». А если чего натворил, так в школу обратиться, как они его там воспитывают.

ГРИГОРИЙ. Вот! (*Кузьме Фомичу*). Слышал? Слышала, Верка? А еще боялась! Я ж говорил...! Вот так-то Кузьма! У тебя тысячи, а у меня у сына голова. И что лучше-то, у кого закусить-то нечем?

КУЗЬМА ФОМИЧ (*прячет стекляшки и камень*). Про это пока не будем, тут все ясно и свидетели имеются, тут вы не отвертитесь. А пришел я к вам по другому вопросу.

ГРИГОРИЙ. Что, налог поди холостяцкий с меня стребуешь?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Садись, Михаил, да поговорим. Дело это нужное, общественное, можно сказать, вот и давай рассудим, кому что достаться должно.

ГРИГОРИЙ. Что, что я?

КАТЕРИНА. Ничего. Вспомни-ка все, что ты вытворял надо мной?

КУЗЬМА ФОМИЧ. А это все помнят, Катерина, и соседи и Михаил. Вот, с малолетства нагляделся. Это ему никто не забудет и чтоб осудили тебя – этого и в законе не записано.

ВЕРА. Вытворял... А другие бабы? Если б все начали убежать под кем вытворяют, так тут бы не жизнь, а одни соревнования получились.

КАТЕРИНА. Вера, так другие, другие-то разве так как он?

ВЕРА. А как? Что, Гордеиху меньше гоняет или ту же Власиху возьми?

КАТЕРИНА. У тех может еще силы какие остались, а у меня... *(Плачет)*. Ты вот не видела, что он последний раз выделывал, а он же чудом каким-то меня вилами не заporол. Как кинул со всей силы, а я и сама не помню как отскочить успела. Как только вечером пьяный заявляется, так и не знаешь, доживешь до утра или нет. Ребятишек вырастила, а дальше-то как терпеть? Ведь, не осталось же никаких сил на дальше-то, Вера.

ГРИГОРИЙ. Ну зверь я, зверь, гонял тебя да сам на себя не мог нарадоваться, только зачем ты счас-то сюда заявила?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Раз привел, значит так тому и быть, значит надо. Ко всему прочему и Михаил объявился, вот с ним и обсудим.

МИХАИЛ. Я-то к бате по дому забежал. Танька отправила.

ВЕРА. А без Таньки, сам-то не мог догадаться? *(Кивая на Григория.)* Сидит один как сыч в пустом доме, а сынок хоть бы глаз показал. Остальные ладно, в городе, а ты-то можешь сто метров пройти?

МИХАИЛ. Вот я и пришел. У меня, батя, к тебе конкретное дело – отдавай поросят. Танька моя надоумила: батьке-то твоему, говорит, помочь бы надо, а то он там и со скотиной и совсем один.

ВЕРА. Это как, отдавай, на время что ли?

МИХАИЛ. Почему на время? Что у меня лишние корма на время их

братъ? Выращу. (*Григорию*). Сколько их у тебя – три? Вот всех троих и выращиву. Как, батя?

ВЕРА. А потом?

МИХАИЛ. Что потом?

ВЕРА. А потом-то их куда?

МИХАИЛ. Куда... В лес отправлю. Куда еще их девают – заколю. А батьке, когда захочет там кусок сала или мяса откажу что ли? Да и много ли ему одному надо-то? Ну так как, батя?

(*Григорий молчит.*)

ВЕРА. Ему значит, кусок на полгода выдашь, а себе...

МИХАИЛ. А кто их кормить-то будет, ты не забывай кто их будет выкармливать-то?

ВЕРА. Да чего их выкармливать, они сейчас уже вон какие подсвинки, а через два месяца и совсем настоящие будут.

МИХАИЛ. Ну и что, вот за два месяца и выкормлю. Да пусть батя сам скажет, чего ты-то.

ВЕРА. А кто еще кроме меня за него скажет? Эта наперегонки убежала, да и сидит теперь довольненька, сыночку про батьку вспомнить некогда, зато про поросят его не забыл, те, остальные, из городу носу не кажут, а кто ж тогда кроме меня за него и заступится?

МИХАИЛ. Что я тебе малохольный какой? Нашлась тут заступница. Да я сам так могу, что еще и они начнут искать заступников. Ладно, как лучше хотел так... Как он один за всем смотреть будет? Ну и пусть пропивает, сами же потом завоюете. (*Григорию*). В крайнем случае, сразу можем полпоросенка отдать, что нам жалко что ли?

ГРИГОРИЙ. Спасибо конечно, сынок.

МИХАИЛ. Что спасибо-то?

ГРИГОРИЙ. Да, я говорю, что отца-то не забываешь.

МИХАИЛ. Ну и что это, - тоже подкалываешь? А, разбирайтесь тогда сами. Как лучше хотел, так вы...

КУЗЬМА ФОМИЧ. Вот видишь как, Михаил, хоть ты с башкой

парень, а повел маленько не туда. Как же ты про мать-то свою забываешь? Ведь она же этих поросят можно сказать на руках выходила, а ты про нее ни слова. Ведь у меня, вон, Анна-покойница, на что работящая была, а Катерина, мать-то твоя, еще и получше ее в работе будет.

МИХАИЛ. Ну и что, к чему это?

ВЕРА. К чему... Не видишь, что ли? Да себе этих поросят забрать хотят.

МИХАИЛ. Как забрать?

КАТЕРИНА. Вера, да ничего мне не надо. Как же я со своего дома да забирать буду?

ВЕРА. Со своего... У тебя выходит теперь и там свой дом и тут твой?

КАТЕРИНА. Вера, так что ж я...

КУЗЬМА ФОМИЧ. Погоди, Катерина. Хотя ты и грамотный парень, Михаил, а все не с того боку заходишь. Ведь что по нынешним временам главное? Имущество! А как все это имущество, наживалось, на ком держалось, на нем что ли? Так он неделю без нее прожил и корки хлеба в доме нету. Так как же ты после этого про мать забываешь?

МИХАИЛ. Погоди, Фомич. Мать работала, то-сё, сам знаю. Только сейчас-то ее тут нет, счас-то она причем, если здесь не живет?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Опять не туда. Я о чем тебе говорю: наживала-то все это она, на ней все держалось, а он после этого ее ко мне с одними алюминиевыми ложками отправил. Где ж тут справедливость спрашивается?

КАТЕРИНА. Никуда он меня не отправлял, Кузьма Фомич, сама я эти ложки взяла как Дуська, сестра, научила. Чего-то, говорит, все равно брать надо, так возьми лучше ложки, чтоб дому разорения не было. А Григорий тут не причем.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Не причем, значит? Видишь, как оно выходит, Михаил. Мать твоя все это нажила, трудами можно сказать своими, все сохранила, а он после этого отправил ее ко мне в одной юбчонке с погаными ложками, все себе забрал, да еще и ни причем оказался.

ВЕРА. Погоди, чего он говорит-то. она же убежала и он же должен

виноватым оставаться?

КУЗЬМА ФОМИЧ. А кто ж виноватый по-твоему, Михаил что ли, или может я?

ВЕРА. Ну так она к тебе убежала-то, а у тебя там и так всего через край, так чего же ей еще-то надо?

КАТЕРИНА. Ничего мне не надо, Вера.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Ты мое хозяйство не трожь. Это мое хозяйство, не она наживала, про мое тут и разговору нету. А разговор у нас теперь идет про ее хозяйство, которое она наживала. Так почему же спрашивается, оно все ему досталось, по какому закону?

МИХАИЛ. погоди, Фомич, она же к тебе ушла-то, и хозяйство у вас теперь должно быть вроде бы как общее. А батька тут один остался, и уж если не сможет со всем управиться, то лишнее должен мне отдать, вроде бы как по наследству. Вот я и хотел ему помочь. А мать раз с тобой, так какой теперь об ней разговор?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Наследство ты получишь когда вот, он, батька твой, помрет. Но получишь ты ту половину, которая ему достанется. А другая половина, раз они его вместе наживали, должна к матери твоей перейти. Что ж ты о матери-то не думаешь или хочешь ее безо всего оставить?

МИХАИЛ. Как без всего-то, а твое?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Я тебе уже объяснил, Михаил: про мое тут разговору нету. Про мою вазу со стеклиной мы уже обговорили. А теперь у нас разговор вот про это, что мать твоя наживала.

ВЕРА. Гришка, ты-то чего ж молчишь, не видишь, что ли, как они у тебя забрать все хотят.

КУЗЬМА ФОМИЧ. А чего он скажет, если все это по закону, да по справедливости.

ВЕРА. Гришка, видишь, чего он говорит-то?

ГРИГОРИЙ (*Михаилу*). Так когда мне, сынок, помирать-то прикажешь?

МИХАИЛ. Чего?

ГРИГОРИЙ. Наследство-то чтоб поскорей, когда мне?

МИХАИЛ. Да что ты, батя, начинаешь тут! За него же спорю! Мне-то что – уйду, разбирайтесь тогда сами. Им как лучше хочешь, а они... Разбирайтесь тогда сами, а мне и поросят ваших не надо.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Чего тут разбираться – дело ясное. Разделить только, чтоб все по совести.

ГРИГОРИЙ (*Кузьме*). Дай бутылку, поросенка за нее отдам или чего там еще захочешь.

ВЕРА. Кому, какого поросенка?

ГРИГОРИЙ (*Кузьме*). Дай, я тебе за нее чего хочешь.

МИХАИЛ. Где ее взять-то? Танька еще говорила: возьми, говорит, бутылку да с бутылкой иди насчет поросят, а где взять, месяц уж не завозят. Может правда у тебя, Фомич, есть? Счас бы по сто грамм и никакой ругани. А то видишь батя, вон, заскучал.

ВЕРА. Мишка, да где же твоя совесть-то? Напоить его хочешь, а потом чтоб совсем обобрать?

МИХАИЛ. Что ты, тетка Верка... Кто тут кого оббирает-то?

ВЕРА. Кто... Да вы! Тот-то ладно, а ты-то ведь сын родной, мало ты с него вытянул, так последнее забрать хочешь?

МИХАИЛ. Да что ты... Ну-ка, батя, скажи, скажи ей тогда, когда я у тебя чего отбирал? Что сам дает, то и беру. А то «отбирает»...

ВЕРА (*Катерине*). А ты довольная теперь сидишь, сама убежала, а его чтоб по миру пустили?

КАТЕРИНА. Вера, да чего ж тут я-то?

КУЗЬМА ФОМИЧ (*вынимает*) А бутылка что ж, если для такого случая... С самого начала хотел ему поднести, так он сам отказываться начал. А для такого дела...

МИХАИЛ. Ну ты даешь, Фомич, правда фокусник. Батя отказался... Батя у нас от другого чего откажется, а от этого-то... Давай, тетка стаканы.

ВЕРА. Кузьма Фомич, если ты только счас напоишь его этой бутылкой, я потом... не знаю что я сделаю, а вот все свидетели, я потом довсяду дойду, а ты эту свою бутылку надолго запомнишь. Ведь у тебя же дома на пятьдесят

тысяч всего наверно, бабу у него забрал, так чего ж ты от него еще-то хочешь?

КАТЕРИНА. Миша, вы все заберете, а мы-то потом как будем?

МИХАИЛ. Кто вы-то? Что у Фомича мало тебе всего?

КАТЕРИНА. Так у него много, а мы-то как же останемся?

МИХАИЛ. Да кто вы-то? Забирают у них.. Я наоборот за него же спорю. Ну и выпили бы по сто грамм, чтоб случилось-то.

ВЕРА. Тебе не случится, а он?

МИХАИЛ. Что он упадет с двух рюмок?

ВЕРА. Не упадет. А счас же все и раздаст вам. А если еще одну бутылку посулите, так он за нее и дом отдаст. Вот вы этого и добиваетесь.

ГРИГОРИЙ. Кто это им дом отдаст? Что думаешь, я совсем уже пьяница какой? Да он у меня не то что дом, а и ложки лишней не получит. Думает если весь колхоз обокрал, так и у меня все заберет? А вот не тут-то было! Об мое-то он еще и зубы обломать может.

КУЗЬМА ФОМИЧ (*прячет бутылку*). Так. Значит, ты меня в воровстве обвиняешь? А факты у тебя имеются?

ГРИГОРИЙ. Да какие факты, кто не знает-то, факты ему. Со склада за что тебя сняли? А когда зав.фермой сколько ты всего себе навозил?

КУЗЬМА ФОМИЧ. А об этом расследование было или выводы какие делались?

ГРИГОРИЙ. Расследование... Ясно, что потащил бы за собой кое-кого, вот и замяли. Ложки у него серебряные! Людей-то ты и ложками не обманешь.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Ты мне не людей, ты мне факты давай. Нету? А тогда я тебя еще и за клевету прижучу.

МИХАИЛ. Да что ты его слушаешь, Фомич. Нашел чем стращать, следовательно выискался. (*Григорию.*) Он что у тебя чего-нибудь взял? А насчет колхозного, так твой же дружок Клычков Федька рассказывал. Если, говорит, еду с фермы да хватанул мешка два, так я на всех орлом гляжу и семья чуть не на руках в дом заносит. А если, ничего-то не украл, так и людям, в глаза глядеть стыдно. Твой же дружок хвастал, что теперь и его этим корить будешь?

ВЕРА. О, батька же еще и виноват, что воровать не научился?

МИХАИЛ (*кивая на Кузьму Фомича*). Вон у кого надо было учиться, да только раньше, пока не поздно было. А то теперь скоро совсем зажмут и сиди, потом, радуйся, что такой хороший остался.

ГРИГОРИЙ. А я хоть пьяницей был, зато пил на свои на заработанные.

МИХАИЛ. Нашел чем хвастать. Ушами прохлопал пока умные люди дела делали, а теперь еще и героем выставляется.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Вот ты говоришь, что я вор, а сам ты, кто?

ГРИГОРИЙ. А чего бы это я потащил, гусеницу от трактора?

КУЗЬМА ФОМИЧ. А сено в лесу кто каждый год косит?

ГРИГОРИЙ. А чего сено?

КУЗЬМА ФОМИЧ. А это не воровство скажешь?

ВЕРА. Так какое же это воровство, все равно его колхоз в лесу не косит.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Ишь вы какие умные! Земля-то там ваша что ли, имеете что ли вы там право косить?

ГРИГОРИЙ. Так все равно же пропадет?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Так в колхозе, вон, каждый год чуть не вся картошка пропадает, половина на поле замерзнет, а другая в хранилище сгинет, так что ж, ее по-вашему идти копать можно? Так что ли? Да и не одна картошка, а все кругом зря пропадает, так что же все это идти и себе брать по-твоему?

ГРИГОРИЙ. А по-твоему пусть лучше пропадает?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Ага, видишь к чему ты пришел-то? Вот я тебя и поймал. Выходит ты и есть самый настоящий вор, готовый все себе забрать, чтоб зря не пропадало. А какое же ты имеешь право после этого мне указывать?

ВЕРА. Сено в лесу все косят, он один что ли?

КУЗЬМА ФОМИЧ. А закон такой есть, чтоб его там косить? Что ж вы его тогда по ночам-то возите, если это не воровство, говорите? А? Вот то-то! Если закона нету, значит все воровством и занимаются. А уж там больше или меньше – это у кого какая голова. А за голову спросу нету.

МИХАИЛ. Нашли чем попрекать.

ВЕРА. Мишка, да никто его не попрекает. Ну, сумел так сумел, нам-то какое дело: не наше брал - колхозное. А только зачем же еще у Григория-то последнее отбирать?

ГРИГОРИЙ. Ничего он у меня не отберет.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Я и не собираюсь отбирать – возьму все по закону.

ГРИГОРИЙ. По какому закону?

КУЗЬМА ФОМИЧ. А по такому, что вы были общая семья и наследство у вас должно быть общее.

ВЕРА. Да какое наследство, он тебе что помер уже?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Не помер, а семьи нету. Значит и имущество надо напололам. А раз Катерина теперь моя, значит и половина имущества моя.

КАТЕРИНА. Да пошто ж я твоя-то, Кузьма Фомич?

КУЗЬМА ФОМИЧ. А чья же? Его что ли?

КАТЕРИНА. Ну так я же с тобой еще... Зачем же дом-то разорять?

КУЗЬМА ФОМИЧ. А ты хочешь, чтобы он его единолично пропил?

ВЕРА. Да, он последнее время и совсем не пьет. (Катерине) А тебе надо было раньше об доме думать.

КАТЕРИНА. Вера, говорю же тебе – сил моих больше не было.

(Молчат.)

КУЗЬМА ФОМИЧ. Ну и как решать будем?

МИХАИЛ. Вобщем так, батя: мне надо семьсот рублей. «Урал» вот-вот прийти должен, два года на очереди стою, а у меня денег только половина.

ВЕРА. Да где ж он тебе возьмет, последние снимет?

МИХАИЛ. Вот я и говорил с самого начала про поросят. Не к чужим же идти побираться.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Насчет поросят, Михаил, погодить надо. Полтора-то из них матери твоей.

МИХАИЛ. Да какой матери, причем здесь мать-то?

ВЕРА. Давайте, давайте! Тогда уж и ребятишек делите. По жеребьевке,

кому парнишка достанется.

КУЗЬМА ФОМИЧ. И ребяташек разделим – никуда не денутся. А сначала надо имущество по справедливости.

МИХАИЛ. Ребятишки мои, а не ихние, сильно-то не наделишь.

ГРИГОРИЙ. Ага, и ребяташек значит захотели? Чтоб я их потом и в глаза не увидел, так что ли? Так вот ничего вы у меня не получите!

КУЗЬМА ФОМИЧ. Получим, все получим.

ГРИГОРИЙ. Все, говоришь? А вот головешки ты у меня получишь, головешки, понял? Спички-то вот они. Делите потом эти головешки хоть на весах, хоть сантиметрами.

ВЕРА. Гришка, да ты... Не слушайте вы его.

МИХАИЛ. Ну-ка, дай, дай говорю! (*Заломив отцу руку отбирает у него спички.*)

ГРИГОРИЙ. А уж спичек-то коробок я всегда найду. И ночью-то мне никто не помешает.

ВЕРА. Гришка, да ты чего мелешь? Не слушайте вы его: мелет, а чего сам не знает.

КАТЕРИНА. Гриша, зачем же ты...

КУЗЬМА ФОМИЧ (*перебивает.*) Не-ет! Уж сейчас-то он знает что говорит. Теперь-то он не пьяный, в своем уме и сейчас он не мелет, а свои тайные намерения выказывает.

ВЕРА. Да какие намерения?

КАТЕРИНА. Он и раньше...

КУЗЬМА ФОМИЧ. Сейчас он свой план тайный выказал. И как же теперь его на свободе оставлять прикажете, если мой дом через три избы от этого? Вы что, думаете мне гореть охота?

ВЕРА. Да ничего он не подожжет, что вы его слушаете.

КАТЕРИНА. Он и раньше грозился только, а никогда ничего не поджег.

КУЗЬМА ФОМИЧ. За пьянку за прошлую в ЛТП, за клевету да за подстрекательство еще прибавят, а за поджег и совсем прямая статья.

МИХАИЛ (*Григорию*) Допрыгался?

ВЕРА. Да какой поджег, Кузьма Фомич, он же клянется только. Ну возьми что-нибудь, поросенка возьми, а зачем же поджег-то?

КУЗЬМА ФОМИЧ. Не старайтесь, вы его не покроете. Уж после такого-то общественность ему покажет, она ему найдет свое место. Теперь-то я с самым полным право ей все могу доложить, до копеечки. А уж общественность-то его не помилует.

МИХАИЛ. Что ты все, Фомич, со своей общественностью? Кто эта общественность – то, ты что ли? Раз как-то до революции был депутатом так теперь...

КУЗЬМА ФОМИЧ. А кто ж по твоему общественность, он что ли? Ты последние газеты читал, слушал?

МИХАИЛ. Читал, не меньше твоего. Только чтоб за намерения садили – нигде не вычитывал.

КУЗЬМА ФОМИЧ. А предупредительное... Предупредительные меры, читал про такое? А преждевременная профилактика, слышал? Уж теперь-то по новому. Сейчас-то общественности все права дадены и вот такие пьяницы, да гонятелы женщин теперь свое сполна получают. Теперь-то ему все выдадут, да еще и в протокол запишут.

МИХАИЛ. Ладно, это ты их, вон, пугай, а мне-то ты мозги не запудришь. Какой никакой, а мне он все-таки батька.

КУЗЬМА ФОМИЧ. А мне пугать нечего. Я свое слово скажу и ко мне везде прислушаются – и в конторе и в сельсовете. А вот что он теперь перед судом говорить будет – это еще посмотрим, еще досконально изучим.

(Из соседней комнаты вдруг доносится нестройное детское пение: поют какую-то пионерскую песню. Все некоторое время слушают.)

ВЕРА. Ребятишки это, с улицы прибежали. Наташка моя шибко уж в учительницу играть любит, вот и учит их.

(До конца сцены из соседней комнаты фоном звучат пионерские стихи и песни).

ГРИГОРИЙ. Берите, все берите. Ничего мне от вас не надо.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Вот так-то лучше, Григорий. А то за такие

штучки, знаешь куда залететь можно? Вот теперь, Михаил, давай спокойно и обсудим кому что достанется.

ВЕРА. Гришка, да как же ты...

КАТЕРИНА (*вдруг бросается перед Григорием на колени*). Гриша, прости ты меня бога ради! Сама не знала что вытворила, затмение видно пошло какое-то. Ведь это что же, дети с городу приедут и зайти не к кому? Ребятишки прибегут, а их никто и не погладит. Как же это так будет-то?

ВЕРА. Раньше надо было думать.

КУЗЬМА ФОМИЧ. Чего это ты перед ним? Что заслужил, то и положено.

КАТЕРИНА. Гриша, ведь весь дом наш рушится, а сколько мы с тобой в него вложили-то? Ведь не одними же побоями мы с тобой жили, посчитай-ка сколько мы в одной упряжке провернули-то?

ГРИГОРИЙ. У тебя теперь дом лучше этого.

КАТЕРИНА. Так, Гриша, ведь этот хоть какой, а ведь, мой, наш это дом-то. Что ж теперь, с ним будет-то? Ведь тут же и на свадьбе нашей пели, тут же и дети наши выросли, а теперь-то как? Что ж я, дура такая, об этом-то не подумала? Вера, скажи ты ему пусть он простит меня, а уж я теперь... из последних сил буду. Отдых себе на старости лет устроила. А какой же отдых, когда и он, и дети, и ребятишки несмышленные. Видно уж так богом заведено, что до вздоха до последнего. А ни в какую баню я ни с кем не ходила, Гриша, и ночевала одна, в другой комнате, хоть у Кузьмы Фомича спроси. В какую ж баню, когда всю жизнь с тобой прожила, а тут еще неделя не кончилась. Вера, Гриша, судите меня. Казните, только как же я без дома-то?

ВЕРА (*Григорию*). Чего набычился, видишь баба кается?

КАТЕРИНА. А если уж разорение или тюрьма какая, так вместе будем, Гриша. Одному-то тебе все равно не выдержать, как же я стерва такая раньше-то об этом не подумала.

ВЕРА (*Григорию*). Что, так и будешь молчать? Неделю теперь она перед тобой должна выстаивать?

ГРИГОРИЙ. Кто ее заставляет?

МИХАИЛ. Ты, батя, не сильно хорохорься-то.

КАТЕРИНА. Неделю простою, месяц простою, только прости ты меня Христа ради.

(Вера с Михаилом выжидающе смотрят на Григория. Тот опускает глаза.)

ГРИГОРИЙ. Месяц она... Расположилась... А кто за тебя этот месяц убираться будет, я? На столе не крошки, даже печенюшки ребятишкам не дала, а еще расположилась тут!

КАТЕРИНА. Я счас, Гриша, я мигом и ребятишкам и всем... счас я. *(Встает и, пряча глаза, идет на кухню. У двери останавливается.)* И ты прости, Кузьма Фомич. Видишь как оно выходит-то. И от Григория отступилась. Чего тебе с него? *(Уходит на кухню. Все смотрят на Кузьму Фомича.)*

КУЗЬМА ФОМИЧ. Значит вон как обернулось? Ладно, ничего вам счас говорить не буду на ваших радостях, но потом поглядим, потом посмотрим.

ВЕРА. Кузьма Фомич, куда э ты зачем собрался-то? сейчас Катька на стол соберет, посиди хоть чаю попей. А на них на всех плюнь, чего они тебе? Они и не стоят того, чтоб тебе с ними связываться. И так все знают, что последнее слово всегда за тобой. Катька неделю у тебя задарма отработала, вот чего они и выгадали.

(Кузьма Фомич видимо хотел еще что-то сказать, но только обвел всех взглядом и молча направился к двери. Вера, не переставая говорить, просительно заглядывая ему в лицо, идет за ним.)

Кузьма Фомич, может тебе когда прибраться, постирать или там еще чего, так я всегда помогу. Живем-то через дорогу, попроси когда чего...

(Выходят.)

КАТЕРИНА *(выйдя из кухни и проводив их взглядом).* Гриша, это что ж теперь будет-то? Может правда отдать бы ему чего-нибудь, откупиться? А то ведь он теперь...

МИХАИЛ. Не бойтесь. Пока я здесь, ничего он с вами не сделает. А

вот пороят давайте на радостях. Деньги не требую, а пороят куда вам трех? Ну правда, мать, батя, к кому больше идти? А мотоцикл сами знаете – надо. Как, батя?

ГРИГОРИЙ. Бери, куда от тебя денешься.

МИХАИЛ. Это точно, никуда вы от меня не денетесь, так лучше уж сразу. Надо, надо, батя! Надо, мать!

КАТЕРИНА. Одного-то только оставил бы нам, Миша.

МИХАИЛ. Если денег еще подкопить успею, так может еще и двух оставлю, одним обойдусь. Двух-то вам хватит тогда?

КАТЕРИНА. Хватит, хватит, Миша.

МИХАИЛ. Ну вот, вроде б как и дома. А то вишь чего вытворять вздумали. Вон, слышите как мои пионеры поют сонливые? Так что послушайте их, да дурить бросайте.

(Входит Вера.)

Что такая, тетка Верка, не клюет? Ничего, мы его все равно закадрим, никуда он от нас не денется. Таковую родню иметь – никогда не помешает. *(Родителям)* И больше мне не чудите! Чтоб дом и у меня *(кивает на соседнюю комнату)* и у них всегда оставался. Жалко бутылку-то мы у него не выцаганили. Давай, мать, чаю тогда хоть, что ли. Хоть посидим вместе.

(Вера вдруг упала головой на стол и зарыдала. Вера плачет, из соседней комнаты пение детей. Катерина, молча глядя Верину голову, с робкой улыбкой смотрит на Григория. Тот, чтобы сдержать ответную, - хмурится. Михаил, не зная как выразить свою радость и куда направить распирающую его силу – дурашливо подпевает детям.)

Действие второе

Городская квартира, обстановка простая, без претензий на что-либо.

Клава сидит на диване, вяжет, Федя, ее муж что-то ищет, роясь в бельевом шкафу. За окном зима, воскресный полдень.

КЛАВДИЯ. Что ж ты так-то? Ты уж каждый пододеяльник да наволочку по отдельности трести, может и выпадет откуда.

ФЕДОР. А ты знаешь чего я ищу?

КЛАВДИЯ. Не знаю, откуда ж мне знать, только вчера родилась.

ФЕДОР. Не знаешь, так промолчи. *(Отходит от шкафа.)*

КЛАВДИЯ. Что остановился? Давай тогда уж и стены простучи, телевизор разлома, может я туда ее запрятала.

ФЕДОР. Телевизор я ломать не буду.

КЛАВДИЯ. А ты разломай, разломай, может там-то под стеклом и найдешь.

ФЕДОР. А если б сейчас из родни кто приехал, так сразу и из телевизора достала бы.

КЛАВДИЯ. А что тебе моя родня, мало помогали?

ФЕДОР. Чем это они мне помогали?

КЛАВДИЯ. Ох ты! Как приедут с полными сумками, да как выпьешь с ними так целоваться лезешь, а теперь: «Чем помогали»...

ФЕДОР. Так Ии-то ты за это сразу ставишь, а я тебе вчера сколько мяса приволок и что мне за это?

КЛАВДИЯ. Федя, ну каким тебе еще-то языком объяснять: нет у меня ничего, нету, и не шарься и не скребись, все равно нету.

ФЕДОР. Ладно, я у тебя и просить не буду.

КЛАВДИЯ. И не проси, все равно не дам – нету. Возьми вот лучше, да займись чем-нибудь.

ФЕДОР. Чем? Чем мне заняться прикажешь? Может вязать с тобой рядом сесть?

КЛАВДИЯ. Никто тебя вязать не заставляет.

ФЕДОР. Ну, а что я еще должен делать?

КЛАВДИЯ. Ручка, вон, на двери болтается. Возьми да и прибей, чем мотаться из угла в угол.

ФЕДОР (*хватает Клаву за руку и тащит за собой.*) А ну-ка иди, иди...

КЛАВДИЯ. Да ты что сдурел, руку вывернешь.

ФЕДОР (*показывая на дверную ручку*) Трогай!

КЛАВДИЯ. Чего мне ее трогать?

ФЕДОР. Трогай! Или тяни, изо всей силы.

КЛАВДИЯ. Прибил штоль уже?

ФЕДОР. Нет, сама к двери прилипла, пока ты так в своем кресле заседала.

КЛАВДИЯ. Ну, а причем здесь кресло?

ФЕДОР. Не при чем. Хоть ей все замки замени, хоть пол перестели, хоть всю квартиру золотом оббей, она и голову не поднимет, до того своим вязаньем, да телевизором занята.

КЛАВДИЯ. О, господи! Один гвоздь забил, так теперь я должна всю родню, всех соседей созывать да показывать.

ФЕДОР. А я тебе что сюда должен был десять забивать? Ты видишь сколько тут дырочек, видишь?

КЛАВДИЯ. Ну и что?

ФЕДОР. А куда бы я тут еще девять гвоздей забивал, куда?

КЛАВДИЯ. Зачем девять-то?

ФЕДОР. Сама же только что орала недовольная, что всего один гвоздь забил, а теперь уже зачем девять?

КЛАВДИЯ. Так я тебе сюда что ли говорила?

ФЕДОР. А куда, куда еще?

КЛАВДИЯ. Куда, да... Отвяжись ты от меня.

ФЕДОР. Ладно, сам соображу куда. Счас я тебе не девять, а девятнадцать задолбаю: в каждый стул, чтоб помягче сидеть было, в холодильник пару, в зеркало...

КЛАВДИЯ. Что ты ко мне пристал со своими гвоздями?

ФЕДОР. А в диван твой я гвоздь забивать не буду, не бойся, гвоздем там тебя не достанешь. Туда я штырь загоню сантиметров на тридцать, чтоб ты взвизгнула, да потом близко к нему не подходила.

КЛАВДИЯ. Что тебе мое кресло? Ну давай посреди комнаты встану, да буду вязать. Совсем уж не знаешь, что делать.

ФЕДОР. Ну а что, подскажи, что?

КЛАВДИЯ. «Что», да хоть книжку возьми, почитай. Вон, еще от Ирки остались какие-то, возьми да и почитай.

ФЕДОР. А что ж ты их сама не читаешь?

КЛАВДИЯ. У меня и без них дел хватает.

ФЕДОР. Ага, я, мол, уже и так образованная, чуть не десять классов кончила, а ты, темнота, сядь, букварь почитай. Так, что ли?

КЛАВДИЯ. Кто тебе говорит что букварь?

ФЕДОР. А что же еще? Я же всего шесть классов кончил, не как ты. У меня же нет такого образования, чтоб весь день телевизор смотреть.

КЛАВДИЯ. Ну и хвастай теперь побольше, что нет.

ФЕДОР. Да, нет! Зато я с пятнадцати лет вкалываю, и будешь ты мне еще тут со своими книжками подкалывать.

КЛАВДИЯ. Ну что тебе надо, что? Бутылку? Так я тебе уже миллион раз сказала – нет у меня. А чего ты еще-то от меня добиваешься?

ФЕДОР. Правды я от тебя добиваюсь, вот чего, правды! Полбарана ей приволок, все ручки к дверям еще неделю назад прибил, а она...

КЛАВДИЯ. Ну и отрывай тогда свои ручки и унеси своего барана, а ко мне не лезь. Уйди от меня.

(Демонстративно садится к телевизору.)

ФЕДОР *(идет на кухню)*. Ладно, мы это запомним. Мы это намотаем на ус. Чтoб ей теперь еще чего-то сделал!

(Клава смотрит телевизор, не отвечает. Федор берет со стола чашку и выходит с ней из кухни).

А это кто за тебя мыть будет?

КЛАВДИЯ. Сам же только что пил из нее.

ФЕДОР. Ну и что? А мыть, чья эта работа?

КЛАВДИЯ. Гляди-ка! Ты будешь каждую минуту подходить пить, а я за тобой бегом чашку ополаскивать?

ФЕДОР. А ты как думала? Или что мне теперь из носика пить прикажешь? Или, может, из ладошки, а?

КЛАВДИЯ. Иди, иди хоть из чего там пей, только сюда не высовывайся.

ФЕДОР (*подходит к телевизору*). Смотрит она, ума набирается. А ты хоть понимаешь что это показывают?

КЛАВДИЯ. Где ж мне понять. Это только ты один во всем разбираешься.

ФЕДОР. Ну, а вот это что, что это такое?

КЛАВДИЯ. «Что», да машина военная.

ФЕДОР. Сама ты вязальная машина. Понимает она! БТР от машины отличить не может, а чего-то еще сидит, смотрит.

КЛАВДИЯ. Мне не все равно, что машина, что БТР этот самый.

ФЕДОР. Что ж тогда смотреть, если все равно? Смотреть-то тоже понимать, да думать надо. А тебе что, доклад какой, что для пацанов показывают – один черт.

КЛАВДИЯ. Да ты чего ко мне привязался? Это ему не так, то не этак. Не хочешь, не смотри, а мне не мешай. С самого утра и шарится и шарится, и ворчит и ворчит.

ФЕДОР. Ладно, если теперь еще кто мяса предложит, так я его лучше на улице чужим собакам скормлю, чем тебе нести. За шесть рублей ей полбарана приволок, а она...

КЛАВДИЯ. Неси! Хоть сейчас забирай своего барана и неси куда хочешь. И кого хочешь им корми.

ФЕДОР. И унесу. Всю получку ей до копейки отдаешь. Мясо на дом приносишь, а тебе за это...

КЛАВДИЯ. Нет у меня ничего, я тебе уже тысячу раз сказала, что нету.

ФЕДОР. Нет, говоришь? А вчера что в сумке несла, думаешь, мне мужики не передали?

КЛАВДИЯ. Что твои мужики в мою сумку заглядывали?

ФЕДОР. Не заглядывали, а слышали как звякало.

КЛАВДИЯ. Масла несла бутылку вот и звякало.

ФЕДОР. Масло? А обо что твое масло стучалось?

КЛАВДИЯ. Да пошел ты... Буду я еще перед тобой отчитываться.

ФЕДОР. Ага, и сказать нечего! Бессовестная ты! Для нее же...

КЛАВДИЯ. Конечно, как же мне не быть бессовестной! Я с утра все пообшарила, пооблазила, я всем людям нервы повымотала, как же после этого мне не быть бессовестной.

ФЕДОР. Да с тобой же, с тобой же и посидели бы.

КЛАВДИЯ. Сиди, кто ж тебе не дает? Хоть вот в кресло садись, хоть на стул любой, хоть на пол ложись, раз я такая бессовестная, а нервы мне не мотай.

ФЕДОР. Я теперь сколько пью, ну-ка, скажи, сколько я пил за последнее время?

КЛАВДИЯ. Федька, ну так честь тебе и хвала, что меньше пьешь. Ведь ты же правда вроде б совсем другим человеком стал, как будто б воскрес после чего-то, так зачем же ты опять-то в эту яму лезешь?

ФЕДОР. Я тебе не алкаш, чтоб туда лезть.

КЛАВДИЯ. Так это хуже! Хуже алкаша, хуже ханыги всякого. Те хоть с похмелья пропадают, да не могут без этого, а ты-то ведь счас не пропадаешь, не трясет тебя как трясучку какую, так чего ж ты с меня требуешь-то?

ФЕДОР. Ладно, смотри свой телевизор да не ори. Воскресенье, сколько времени почти в рот не брал, мясо ей принес, а она расселась тут с самого утра и еще орет чего-то.

КЛАВДИЯ. И буду орать, если ты не отвяжешься от меня, да не дашь повязать, да поглядеть спокойно.

ФЕДОР. Смотри, смотри, может чего и высмотришь. *(Тожже подходит к телевизору.)* Вон, колхозничек, из твоих же наверно, из родственников. План он сидит перевыполняет.

КЛАВДИЯ *(не отрываясь от телевизора)*. Они там не сидят, да с утра не шарятся как некоторые.

ФЕДОР. Кто, это они-то не шарятся? Да они там неделями под тракторами своими валяются. Галстук он одел, план перевыполнил!

(Обращается к выступающему.) Что ж тогда в магазинах-то жрать нечего?

КЛАВДИЯ. А потому что также как ты с утра шарится начинают.

ФЕДОР. А я что ему? Я в воскресенье сижу и то без грамма, а он к нам в простой день приезжает, да ты ему сразу бутылочку.

КЛАВДИЯ. А потому что не с пустыми сумками приезжают, не как твои, вот и ставлю.

ФЕДОР. А где мои чего возьмут?

КЛАВДИЯ. Вот и молчи тогда.

ФЕДОР. Замолчи... Там как куркуль сидит в галстуке, да сюда приезжает, ему сразу ставят, как иностранцу какому. (*Передразнивает выступающего*). «По двадцать центнеров...» «По двадцать центнеров...» Выпиваешь ты там по двадцать центнеров.

КЛАВДИЯ. Что ты к нему привязался? Не знает человека, а... Может он совсем непьющий?

ФЕДОР. Кто, этот-то? Найдешь у них непьющего, что я там не был? Всей деревней по неделям не просыхают.

КЛАВДИЯ. Им туда счас почти совсем не завозят.

ФЕДОР. Кому, это им-то? Не завезешь им, как же! Да и них там самогон ведрами. Завтра же брагу поставлю.

КЛАВДИЯ. Поставь.

ФЕДОР. И поставлю, тебя не спрошу.

КЛАВДИЯ. Поставь. А я тоже милицию приведу, никого спрашивать не буду. Чтоб ходил потом вокруг нее день и ночь кругами.

ФЕДОР. Так лучше я вокруг нее ходить буду, чем вокруг тебя.

КЛАВДИЯ. А ты не ходи, а делом займись. Они-то вот там не ходят, он всегда при деле, поэтому им и ставят.

ФЕДОР. Так у них там коров да баран целый двор, а мне что делать?

КЛАВДИЯ. Дачу завести как люди, вот что! Тогда б и шариться с утра некогда было.

ФЕДОР. На даче все равно летом, а счас, зимой чего б я там делал?

КЛАВДИЯ. А зимой бы ездил ремонтировал, тогда б и тебе ставили.

(Звонок. Федор идет открывать, впускает Виктора. Тот с хозяйственной сумкой и когда ставит ее на пол, раздаётся звон бутылок. На Федора этот звук производит большие впечатления. Виктор немного шепелявит и часто потирает челюсть.)

ВИКТОР. Привет, Федя. Как голова?

ФЕДОР. Витек! Ты как подумал? Давай раздевайся.

ВИКТОР. Кобра в магазин отравила, а я дай, думаю, забегу.

ФЕДОР. Раздевайся, Витек, сейчас мы... У тебя-то как голова, ты вчера что-то сильно запотел.

ВИКТОР. Так сколько мы вчера? Сначала калым, потом Гена одного раскрутил, а под конец одному хмырю собаку загнали. Погоди, так ты вчера тоже был?

ФЕДОР. Я-то уж в самом конце, грамм двести красного досталось. Чего шепелявишь-то?

ВИКТОР. Врезал кто-то, не помню. А мы-то вчера...

ФЕДОР. Вот здесь вешай.

ВИКТОР. Мы-то вчера... До дома на автопилоте. *(Кивает на комнату.)* Здесь?

ФЕДОР. Куда она денется? *(Кричит.)* Клава, тут Витек пришел, мы на кухне посидим потихоньку. Она ничего, сильно шипеть не будет. Проходи. *(Идут на кухню.)* Садись, а я сейчас закус. *(Собирает на стол.)* Сижу, сижу с утра, думаю, хоть бы кто зашел. Да не бойся, она сюда не зайдет.

ВИКТОР. А я голову поднять не могу, кобра зверем смотрит, в карманах ни копыя... Так погоди, ты вчера был, что ли?

ФЕДОР. Ты даешь! Вместе же пили две красных-то. Во, зажевать есть, давай.

ВИКТОР. Чего давать-то?

ФЕДОР *(воспринимая как розыгрыш перед приятным сюрпризом).* Чего... Доставай. Ко мне уж давно никто не заходил, а тут-то. Ну, думаю, Витек зря не приходит.

ВИКТОР. А зачем мне зря ходить?

ФЕДОР. Я и говорю: раз уж Витек пришел...

ВИКТОР. Федя, кончай, голова раскалывается.

ФЕДОР. Ну так доставай.

ВИКТОР. Чего мне доставать-то?

ФЕДОР. Сумку неси, думаешь, я не слышал.

ВИКТОР. А чего ты слышал?

ФЕДОР. Ладно. Витек, хватит придуриваться.

ВИКТОР. Кто придуривается-то? Тут вот-вот копыта отбросить, а тебе шуточки.

ФЕДОР. Какие шуточки? Это ты тут с шуточками.

(Приносит их прихожей сумку Витька, роется в ней).

ВИКТОР. Чего ты там роешься?

ФЕДОР. Так у тебя что, ничего?

ВИКТОР. С чего у меня будет? Сказал же: баба в магазин отправила, молока да масла ей, а денег копейка в копейку, даже на курицу не дала. Федя, кончай темнить, знаешь же, так помереть можно. Организм настроился, а ты со своими шуточками.

ФЕДОР. Да какие шуточки?! Шуточки ему! Сам пришел развзвелся, а потом еще...

ВИКТОР. Что я развзвелся-то? Сам закус приготовил, а пузырь зажимает. Федя, говорю же тебе – еле живой, чего ты жмешься-то? Ты же меня знаешь: не сегодня так завтра поставлю. Как к человеку к тебе зашел.

ФЕДОР *(в своем)* И в другой раз. Витек, не ходи со своими сумками, да не звякай. Фраер нашелся, нервы испытывать.

ВИКТОР. Так у тебя что, ничего?

ФЕДОР. Ага, приготовили тут для тебя. Закуска ему... Ты б не звякал, я б не ставил эту закуску. Думал с делом пришел, а он...

ВИКТОР. Федя, а у нее?

ФЕДОР. Иди, да сам спрашивай. Мужики говорили вчера несла что-то, а где у нее найдешь. Если бы ты ее родственничек был, да с полными сумками.

ВИКТОР. А точно несла?

ФЕДОР. Откуда я знаю? Все обыскал, так она же... Не то, что в сапог какой, в будильник может бутылку запрятать и ищи потом хоть два года.

ВИКТОР. А может подмазаться попробовать?

ФЕДОР. Попробуй, может схлопочешь.

ВИКТОР. Да нет, Федя, тут надо... Я же знаю тебя, ты буром прешь, а тут надо... Может у нее день рождения какой?

ФЕДОР. Ага, и тебя пригласить забыла. (*Трет грудь.*) Все перевернул своим звяканьем.

ВИКТОР. Пошли.

ФЕДОР. Куда?

ВИКТОР. Ты только не базарь сильно, помолчи лучше, а я знаю как с ними.

ФЕДОР. Ага, мне не дала, а перед тобой расколется.

ВИКТОР. А вот увидишь, пошли.

ФЕДОР. Давай, давай, а я посмотрю.

(*Проходят в комнату.*)

ВИКТОР. Здравствуй, Клавочка, с праздничком!

КЛАВДИЯ. С каким это еще?

ВИКТОР. Как с каким? С воскресеньцем!

КЛАВДИЯ. Ага, сию вот нарадоваться не могу на твое воскресенье.

ВИКТОР. А тут, Клавочка, как подойти. Так-то просто сидеть – чего порадуешься, радоваться – тоже уметь надо. Верно, Федя?

КЛАВДИЯ. Да уж вижу как вчера сумел.

ВИКТОР. Да нет, Клавочка, мы-то вот как раз умеем. Мы с Федей не бичи какие-нибудь, которые полулитру, да всякую гадость жрут, ты нас с ними не путай. Верно, Федя? Я всегда ему говорю: если ты, Федя, только начнешь сними кентоваться – пей, а я не буду. И тебе, говорю, не дам. Верно, Федя, говорил я тебе такое?

ФЕДОР. Говорил.

ВИКТОР. Вот, Федя-то все помнит. Вы, говорю, - это я им, - про жен, своих забыли, про детей забыл и мать, говорю, родную в беде оставили.

Помнишь, Федя, как я им это говорил?

ФЕДОР. Помню, помню.

ВИКТОР. Правильно я им сказал, Федя?

ФЕДОР. Да, правильно, правильно.

ВИКТОР. И вообще, говорю. Скоро вы все передохнете и никто, говорю, о вас не заплачет.

КЛАВДИЯ. Что ж ты их так уж шибко-то, перепугались поди, бедные.

ВИКТОР. А как еще с ними разговаривать, Клава? Ты думаешь, они человеческий язык понимают? Ошибаешься. Мы вот с Федей как-то раз к ним зашли.

ФЕДОР. Когда это?

ВИКТОР. Ну, помнишь, мы как-то еще случайно зашли? И думаешь, что, Клавачка, мы там увидели? А ничего мы там не увидели.

КЛАВДИЯ. Видно шибко уж хорошие были.

ВИКТОР. Кто, это мы-то? Да мы... Скажи, Федя, сам, что мы там увидели?

ФЕДОР. Да где увидели-то? Ты давай по делу, а то разбазарился тут.

ВИКТОР. Федя, я с человеком поговорить должен?

ФЕДОР. Должен, должен.

ВИКТОР. Вот то-то. Ты думаешь баба, жена вот твоя, не человек?

ФЕДОР. Да ты по делу говори.

ВИКТОР. Вот чего не люблю, Клавачка, так это когда придут к кому-нибудь и сразу на кухню, пить. А баба сиди в комнате и вроде бы носа не высовывай. А почему? Почему, спрашивается? Она что же, и поговорить по-человечески не имеет права?

КЛАВДИЯ. Вот уж твоей-то, наверно, не жизнь, а малина.

ВИКТОР. Я про своих баб, Клавачка, в компании не говорю. Верно, Федя? Так вот и что, Клавачка, ты думаешь мы там увидели?

КЛАВДИЯ. Так что... Чужих баб наверно, раз про своих не говоришь.

ФЕДОР. Да каких баб, чего ты его слушаешь.

ВИКТОР. Ты погоди, Федя, ни про каких баб тут и разговору не было.

А увидели мы там, Клабочка – пустоту, ничего не увидели. Грязные стаканы, да таракан подохший, вот что мы там увидели. Так что ж ты нас с ними ровняешь? Я вот, например, пришел сейчас к вам, а Федя сразу – пошли на кухню. А я ему: чего это, говорю, мы там не видели, а жена? С ней кто-то посидеть поговорить должен? А, Федя, должен или не должен? У человека, говорю, может день рождения или еще чего-нибудь, а ты? И говорю: сразу спрятать меня от нее хочешь? Нет уж, говорю, если сидеть, так всем вместе. Ты, говорю, не бойся, пить она не будет, сама откажется, но уважение, уважение проявить всегда надо. Верно, Клава? Без уважения, Федя, в нашей жизни не проживешь, подохнем мы оба, без уважения. А вот если по-человечески подойти к человеку, тогда и он тебя поймет. Верно, Клава?

КЛАВДИЯ. Чего-чего, а уважения-то мне от него хватает. Вчера, из-за уважения видно, мяса, откуда-то притащил, а сегодня так и совсем ни на минуту от меня не отходит. Какое ж еще больше-то уважение требуется?

ФЕДОР. Да, Клава, я и забыл! Мясо-то вчера мне вот, Витек сделал. За пятерку считай полбарана, Клава, уважить надо человека.

ВИКТОР. Какое мясо?

КЛАВДИЯ. А, так это он тебе помог?

ФЕДОР. Конечно, а кто же. Вот я и говорю, Клава, человек сделал.

ВИКТОР. погоди, Федя, какое мясо?

КЛАВДИЯ. Вот как настоящие-то люди, не ханыги-то: такое дело сделал и даже сам не помнит.

ВИКТОР. погоди, Федя, так это ты что ли вчера был?

ФЕДОР. Кончай придуриваться.

ВИКТОР. погоди, почему ты-то? Это же не ты был.

ФЕДОР. Почему не я-то? Ты еще подошел, мясо, говоришь, есть, за червонец.

ВИКТОР. Так это я не тебе говорил.

ФЕДОР. Да почему не мне-то? С вами еще деревенский был какой-то, а ты говоришь: вот, он привез, а бухануть не хватило. А у меня всего пятерка с рублем была, да еще мелочевка. Вы наскребли чего не хватило и две красных

взяли. Клава...

ВИКТОР. Погоди, Федя...

ФЕДОР. А, кончай! Клава, отблагодарить надо человека.

КЛАВДИЯ (*пристально глядя в глаза Виктора, отчего тот почему-то все больше смущается.*) Ну, раз человек такое дело сделал, куда ж денешься, придется благодарить.

ФЕДОР. Во, я ж говорил! Клавка у меня... Там закуска уже есть?
Клава.

КЛАВДИЯ. Да нет уж, такому гостю да с простой закуской. Я вам сейчас такой баранинки приготовлю, что и пить не захотите.

ФЕДОР. Э, нет, ты это брось! Под такую закуску мы с Витьком...
Верно, Витек?

КЛАВДИЯ. Сейчас, от такой закуски вы не то что запоете, а и загавкаете.

ВИКТОР. Клава, ничего я ему не говорил, это не я ему говорил.

ФЕДОР. Чего?

КЛАВДИЯ. Это как же понимать – от угощения, что ли отказываешься?

ВИКТОР. Я вчера его вообще не видел.

ФЕДОР. Чего? Это как не видел?

ВИКТОР. И ни про какую... ни про какое мясо ему не говорил. Я вчера вообще из дома не выходил, баба подтвердит.

ФЕДОР. Это как не выходил?

КЛАВДИЯ (*Феде*). Что глаза-то пучишь, еще не дошло?

ВИКТОР. Ладно, Федя, баба в магазин отправила, икру, наверно уже мечет.

ФЕДОР (*загораживает Витьку выход*). Ты погоди, погоди. (*Клаве*).
Что это мне не дошло?

ВИКТОР. Что погодить-то, Федя, говорю ж тебе: баба... пацаны уже наверно там без молока орут.

ФЕДОР. Погоди. (*Клаве*). Чего, говоришь, не дошло?

КЛАВДИЯ. А того! Собаку он тебе всучил вместо барана, вот чего.

ФЕДОР. Какую собаку?

КЛАВДИЯ. Ободранную. А уж какая она там была, черная или белая – не знаю.

ФЕДОР. Да ты что, Клава, баран это.

КЛАВДИЯ. Ага, а то я, в деревне выросла, барана от собаки не отличу. Это тебе можно верблюда за свинью всучить, а уж меня-то не проведешь.

ФЕДОР. Да баран это, Клава, баран.

ВИКТОР. Конечно баран, может просто походит на собаку. Федя, баба ждет, я же на минутку...

КЛАВДИЯ. Может принести, вместе посмотрим?

ВИКТОР. Да откуда я в них разбираюсь, я и живого барана в глаза не видел. Федя, ждет же баба. Как человеку мне поверила, деньги дала, а я...

КЛАВДИЯ. Или может поджарить? Как псиной-то завоняет, сразу определите, наверно?

ФЕДОР. Я тебе счас, козел, за этого барана знаешь, что сделаю?

ВИКТОР. Федя, я ж тебе сразу сказал, ничего не помню, откуда я знал, что это ты был. Я же сразу, как пришел сказал, что это не ты был, помнишь, Клава, я еще сразу ему сказал?

КЛАВДИЯ. Федька, драки еще тут не хватало.

ФЕДОР. Я тебе... А ну-ка, гони шесть рублей, счас же, червонец гони!

ВИКТОР. Откуда, Федя? Я же тебе сразу сказал: копейка в копейку на молоко дала, даже на курево нет.

ФЕДОР. Гони!

КЛАВДИЯ. Федька!

ВИКТОР. погоди, Федя, чего гнать-то, пили-то все вместе?

ФЕДОР. Кто это вместе? Мне там за шесть рублей и стакана не досталось?

КЛАВДИЯ. Зато баран достался.

ФЕДОР (*Клавдии*). Ты помолчи, еще ты будешь тут подкалывать. (*Виктору*.) Я тебе счас, козел... (*Берет его «за грудки»*).

ВИКТОР. Федя, ну не помню я ничего, сразу же сказал.

ФЕДОР (*трясет его*). А как она жарить хотела сразу вспомнил?!

КЛАВДИЯ. Федька!

ВИКТОР. А сам-то ты дурачок что ли за пятерку барана захотел. Да счас собака сто рублей стоит?

ФЕДОР. Чего?

ВИКТОР. А ты как думал? Если овчарка или другая какая порода, так может и больше.

КЛАВДИЯ. Вон как, выходит он еще и не доплатил?

ВИКТОР. А вы как думали? Сходите на барахолку да посмотрите: вот такой щенок уже пятьдесят рублей стоит.

ФЕДОР. Что ты мне тут лапшу на уши...

ВИКТОР. Да что лапшу-то, сходи сам, да посмотри.

ФЕДОР. Так это живые, а ты мне...

ВИКТОР. А шкура? Знаешь теперь сколько шкура...

ФЕДОР (*трясет его*). Что ты мне «шкура», где там твоя шкура, я тебе, козел, такую шкуру покажу, что ты...

КЛАВДИЯ. Федька! Хочешь чтоб соседи сбежались! Не начинай! Черт с ней, с этой собакой. Теперь зато сам знать будешь. Пусть он ей подавится, да уматывает отсюда.

ФЕДОР. Что «черт с ней»...? Это тебе «черт с ней», а он мне за шесть рублей полстакана красного налил, да сейчас еще прибежал опохмеляться.

ВИКТОР. Поставлю, Федя, завтра поставлю, куда я денусь.

ФЕДОР. Вот так-то! И если завтра не поставишь...

ВИКТОР. Да поставлю, Федя, что не знаешь меня?

ФЕДОР. А теперь мотай.

ВИКТОР. Все, Федя, все, сказал же. Федя, Клава же хотела...

ФЕДОР. Мотай, я тебе счас такое «хотела» покажу, что...

ВИКТОР. Федя, вместе же пили, что я один эти два пузыря выпил? Сколько там рыл-то было?

ФЕДОР (*выталкивает его в прихожую*). Пообъясняйся еще тут, чеши!

ВИКТОР. Сумку-то? (*Федор молча подает ему сумку*).

ФЕДОР. Да, Клава, принеси-ка там этого... барана.

ВИКТОР. Зачем, Федя, ты чего хочешь?

ФЕДОР. Домой его принесешь и бабе своей вручишь.

(Клава приносит что-то завернутое в бумагу.)

Бери.

ВИКТОР. Федя, куда я с ним?

ФЕДОР. А я вчера куда?

ВИКТОР. Федь, ты же вечером, а сейчас...

ФЕДОР. И если в нашем доме вздумаешь на лестнице оставить...

ВИКТОР. А куда мне... Хорошо, все понял, Федя... *(Показывает двумя пальцами сто грамм.)*

ФЕДОР. Чеси.

ВИКТОР. Голова же, Федя, ну хоть вот столько.

ФЕДОР. Чеси.

ВИКТОР. Федя...

(Федя берет Витька за плечи и, дав пинок под зад, выталкивает. Вслед.)

И чтоб пузырь завтра же был. *(Закрывает дверь.)* Шалупень, еще будет мне подсовывать, козел.

КЛАВДИЯ. Почему же козел-то, дружок твой разлюбезный. Да еще после такого подарка.

ФЕДОР. Ты помолчи.

КЛАВДИЯ. Что мне молчать? Побольше бы еще с ними связывался, а потом...

ФЕДОР. Ладно, твои подружки сильно образованные.

КЛАВДИЯ. Мои подружки...

ФЕДОР *(перебивает)*. Ладно, замнем. Еще про подружек твоих будем. Ты лучше давай, доставай.

КЛАВДИЯ. Чего опять доставать?

ФЕДОР. Бутылку давай.

КЛАВДИЯ. Какую опять бутылку?

ФЕДОР. Что, может опять начнешь «нету»?

КЛАВДИЯ. Да откуда ж она возьметса-то?

ФЕДОР. Ты что тоже на нервы не хочешь действовать?

КЛАВДИЯ. Федька, да ты сам-то подумай откуда ей взяться, если я даже за дверь не выходила.

ФЕДОР. Ты сейчас под соба... под закуску свою, что ты ставить хотела.

КЛАВДИЯ. Ничего я не хотела.

ФЕДОР. За дурака меня считаешь?

КЛАВДИЯ. Федька, да ничего я не хотела, я только чтоб он сознался сказала, а ничего у меня нет, ты же сам все с утра обыскал.

ФЕДОР. Или ты сейчас же достанешь или я тебя...

КЛАВДИЯ. Да ты что, совсем сдурел? Если совсем, так милицию позову.

ФЕДОР. Иди, зови! Если я ни грамма не пил, так пусть хоть десять ментов приходят.

КЛАВДИЯ. Да что ж это такое-то, Федя, ведь ты же не с похмелья, ты же не пил, это что с тобой такое-то?

ФЕДОР. А это хуже похмелья, поняла? Сначала тот прибежал, развзякался-приготовился, потом ты со своей закуской – настроился, а я тебе что, железный, у меня что, нервов не имеется?

КЛАВДИЯ. А у меня, у меня-то... Ведь ты же с самого утра из меня жилы тянешь. Господи, да это за что такое наказание-то, что ж я такого сделала-то, что теперь всю жизнь...

ФЕДОР. Ладно, не вой, без тебя тошно.

КЛАВДИЯ. Бери, вон деньги, все забирай какие есть, только от меня отстань, отстань ты от меня хоть на минуточку.

ФЕДОР. Что я с твоими деньгами, если сегодня не продают?

КЛАВДИЯ. Хоть где, хоть у кого иди бери, хоть магазин ломай, только отвяжись от меня, Христа ради.

(Федя молча ходит по комнате.)

ФЕДОР. Козел... Я ему это припомню, он у меня... Ты встряла, не дала ему морду начистить. Сразу бы сказала... погоди, а почему ты мне вчера сразу не сказала?

КЛАВДИЯ. Почему... Да не хотела.

ФЕДОР. Чего не хотела?

КЛАВДИЯ. Ругани не хотела. Разбираться бы побежал, драка, да еще попал бы куда-нибудь.

ФЕДОР. А сегодня утром почему не сказала?

КЛАВДИЯ. Почему... Старался ж ты, как вроде доброе хотел. Выбросила бы ее потихоньку да и все.

ФЕДОР. Его что ль выдавать не хотела?

КЛАВДИЯ. Кого?

ФЕДОР. Этого козла?

КЛАВДИЯ. А он что мне? Я только не хотела чтоб драка тут получилась.

ФЕДОР. Его, что ли, пожалела?

КЛАВДИЯ. Что ты все «его-то»? Драка, крик бы тут, переломали б все, хорошо б было?

ФЕДОР. Я б его без крика. «Клавочка, Клавочка» - что это он к тебе так ласково-то?

КЛАВДИЯ. Что... Да выпить шибко не хотел.

ФЕДОР. Он сразу, еще на кухне: тебе, говорит, не поставила, а передо мной расколется. Уверенный был. А ты и правда раскололась. Я с утра ходил выпрашивал, а перед ним, так через пять минут.

КЛАВДИЯ. Да ничего я не хотела ставить – откуда бы я взяла?

ФЕДОР. Да уж взяла бы. Уж для этого-то, раз соловьем перед тобой заливался, коньяк бы вытащила. С конфетами. Мне еще сразу подозрительно стало: ты не умеешь, буром прешь, а вот для меня она... «У тебя, мол, морда лопатой, а у меня усики».

КЛАВДИЯ. Федька, да ты... Совсем сдурел, что ли?

ФЕДОР. Да нет, не сдурел. Это раньше может дурной был, ничего не видел. «Придется угостить...» Значит ему сразу угощение, а мне... Да и вообще, с чего он сюда прибежал-то? нарисовался и сразу: «Клавочка, Клавочка... Про жену мою обсуждать не будем, лучше о другом поговорим».

КЛАВДИЯ. Федька, да ты...

ФЕДОР. Ну, а почему же он именно к нам прибежал?

КЛАВДИЯ. Да к тебе. Ты же с ним вчера пил.

ФЕДОР. Я с ним не пил. Я с ним всего полстакана. А если он мне вчера эту собаку всучил, так какой ему был навар сегодня именно ко мне же и бежать, а?

КЛАВДИЯ. А я откуда знаю?

ФЕДОР. Ага, и ты под его дудочку запела: «Ничего не помню, ничего не знаю». А что же он сразу от закуски стал отказываться, если ничего не помнил?

КЛАВДИЯ. Так он помнил, наверно, что продавали, а кому – не помнил.

ФЕДОР. Кому не помнил, а именно у меня стал от закуски отказываться, так?

КЛАВДИЯ. Чего ты, меня-то пытаешь? Откуда мне-то знать как он там, да почему.

ФЕДОР. Так. Усек. Знать, значит, ничего не знаешь, а на защиту кидаешься?

КЛАВДИЯ. На какую защиту?

ФЕДОР. На такую. Ты меня за дурачка-то не считай. Мне же всучил собаку и ко мне же завтра в гости идет. Это как?

КЛАВДИЯ. Да откуда я знаю? Вы пили, а я-то при чем?

ФЕДОР. Ты не причем, все законно. Ты потихоньку сидишь, вяжешь и знать ничего не знаешь.

КЛАВДИЯ. А чего мне знать?

ФЕДОР. А того, что он сюда бежал, думал меня дома нету.

КЛАВДИЯ. Кто бежал?

ФЕДОР. Знаешь кто, не прикидывайся. Меня дома нет, а уж для него-то у тебя всегда бутылочка найдется.

КЛАВДИЯ. Да ты... Ты думаешь, чего говорить-то?

ФЕДОР. То-то она мне все про дачку, сильно уж видно, я ей тут мешаю. Так нервирую, до визгу. А я-то, дурак, сообразить не могу: чего это она все

время от меня избавиться хочет.

КЛАВДИЯ. Дурак, дурак! Уйди лучше с глаз моих, глядеть на тебя тошно. Уйди лучше, уйди или я сейчас сама побегу куда глаза глядят.

ФЕДОР. Ага, к подружке побежишь. К незамужней, конечно. И уж с ней-то всегда можно договориться, чтоб часика на два освободила. А я чтоб в это время здесь телевизор смотрел.

КЛАВДИЯ. Уйди, Христом богом прошу, уйди! Забирай все деньги и уходи куда хочешь.

ФЕДОР. Так. Значит уйти? Я за дверь, а тут и звоночек сразу? Помешал вам распить эту бутылочку, а переморгнуться-то все равно успели? Я, мол, сейчас в истерику: «Уйди, уйди», а ты сразу опять и нарисуешься?

КЛАВДИЯ. Дурак, дурак ненормальный!

ФЕДОР. Ага, мы уже занервничали? Нам не понравилось, что весь план разгадали? А вот мы никуда не уйдем. Мы этого звоночка-то здесь будем дожидаться. А за собаку эту я ему еще и спасибо скажу. Если б не она – так бы ничего и не заметил, так бы и ходил лопухом, не видел как за спиной посмеиваются. Значит, говоришь: есть бутылочка, да не про мою честь?

КЛАВДИЯ. Ну, вот что, с меня хватит. Думала унялся маленько, а трезвый-то ты выходит еще хуже пьяного. Все, хватит с меня! Раньше ребятишки держали, теперь Ирка замужем, Колька в армии, придет тоже куда-нибудь устроится, теперь-то я к тебе не привязанная. Сегодня же забирай свои шмотки и мотай куда хочешь.

ФЕДОР. Та-ак! Мне значит «мотай», а ты на этой квартире его принимать будешь? А не много захотела, сука, чтоб и хахаля тебе и квартиру впридачу?

КЛАВДИЯ. Тогда сама уйду. У кого-нибудь все равно перебыюсь, пока не разменяем, зато потом хоть в однокомнатной, хоть полукомнатной, только б морду твою не видеть. *(Начинает судорожно собирать вещи).* В бараке жили, а в однокомнатной-то мне одной вот так хватит. Да, господи, как же я раньше-то не догадалась как у меня сил-то хватило терпеть до этих пор. А если потом на пенсию, да целыми днями вот так на него смотреть да слушать – это

же лучше сразу удавиться.

ФЕДОР (*Он не ожидал, что все пойдет так далеко, поэтому растерялся*) Куда собираешься?

КЛАВДИЯ. За бутылкой! Бутылку побегу искать, чтоб тебе было чем заняться! Господи, да как же я раньше-то не додумалась? Ведь сколько б я уже могла жить-то по человечески. А дети меня не осудят, они сами насмотрелись. Колька придет из армии – у меня поживет, пока не устроится. Ирка даже рада будет: сама мне давно говорила. А ты собирай тут кого хочешь и чего хочешь делай. Меня теперь это не касается. Хоть запейтесь, тут хоть перебейте друг друга, хоть сдохните вместе с ними, я теперь и глазом не моргну.

ФЕДОР. Куда собираешься? Не надо мне никакой бутылки. Это так, просто, - воскресенье же. А вообще мне ничего не надо.

(Клава молча продолжает собирать вещи).

Клава, говорю же – ничего не надо.

КЛАВДИЯ. Уйди от меня. Минуты тебя больше видеть не могу. Уйди, дай хоть собраться по-человечески да бегом отсюда.

ФЕДОР. Бегом. Не терпится, значит? Невтерпеж стало? Здесь я мешал, а там-то теперь никто не помешает?

КЛАВДИЯ. Никто! Никто мне теперь не укажет и не помешает. Что хочу, то и буду делать. И никто меня больше не заставит смотреть на рожу твою проклятую, да слушать слова твои поганые.

ФЕДОР. Ты что же, стерва, думаешь, я тебя отсюда живой выпущу? Да я тебя счас вот этими руками.

КЛАВДИЯ. Бей! Ну, бей! Лучше сто раз битой быть, чем с тобой в одной клетке.

(Звонок в дверь. Некоторое время оба не двигаются: не слышалось ли. Звонок повторяется.)

ФЕДОР. Так. Мы, значит, никого не ждали?

КЛАВДИЯ. Ждем! Всю жизнь жду, чтоб кто-нибудь пришел, да от тебя избавил.

ФЕДОР. Ну, сучка, вспомнишь ты еще эти слова.

(Идет к двери, открывает. За дверью Витек. Федя молча на него смотрит, как бы не веря своим глазам.)

ВИКТОР *(невольно попятился)*. Ты что, Федя?

ФЕДОР *(Рывком вталкивает Витька в прихожую)*. А ничего, ничего, Витек, тебя жду.

ВИКТОР. Ждал? Не выпил еще?

ФЕДОР. И я тебя жду и «Клавочка» твоя всю жизнь тебя ждет, оказывается. Чтоб ты пришел, да меня прикончил, освободил ее.

ВИКТОР. Кого? Федя, ты что?

ФЕДОР. Чтоб не мешал я вам. Всю жизнь, оказывается, я вам мешаю.

ВИКТОР. Федя, ты что обкурился?

ФЕДОР. Что «Клавочка» не думала, что так быстро нарисуетя. А Витек он шустрый, он мигом. Чувствовал видно, что ей уже невтерпеж, аж навстречу бежать собралась.

ВИКТОР. Федя, да ты что? Клава, что с ним такое-то?

ФЕДОР. Что ж ты, подвел свою «Клавочку», прибежал раньше времени, а теперь у нее же спрашиваешь?

ВИКТОР. Почему подвел? Федя? Да ты что, это же я, Витек.

ФЕДОР. Вижу, Витек, вижу. А может ты мне объяснишь, зачем ты сейчас сюда притопал? Клавочка знает, а ты мне объясни.

ВИКТОР. Я? За молоком.

ФЕДОР. Слышишь, «Клавочка», оказывается он сюда за молочком прибежал.

КЛАВДИЯ. Подговорил его, подстроить все хочешь? Так не надо подстраивать, я тебе и так скажу – видеть тебя не могу и лучше убитой быть, чем с тобой жить.

ВИКТОР. Федя, Клава, вы что? Федя, ты же сам молоко выставил, когда в моей сумке шарился. И масло. Домой прибежал, баба орет: «Где деньги, пропил!» - ну я скорей сюда. А вы что, Федя, Клава?

ФЕДОР. Разыгрываете, значит передо мной? Он, мол, темный. Мы его в два счета обведем?

КЛАВДИЯ. Нечего мне перед тобой разыгрывать, я тебе уже все сказал. И не ломайся тут, не подстраивай.

ФЕДОР. Это кто ж подстраивает? Я специально подстраиваю, чтоб он к тебе прибежал? Так?

ВИКТОР. Федя, это я, Витек. Я за молоком прибежал, ты же помнишь как молоко мое выставил? Клава, скажи ему.

ФЕДОР (*толкает Витька на кухню*). Клава потом, а сначала я тебе скажу. Иди, иди, а то здесь через дверь соседи, услышать могут, что я тебе говорить буду.

ВИКТОР. Федя, да ты что? Я-то вам при чем? Клава, скажи ему.

ФЕДОР. Вот здесь и поговорим. И ты мне все расскажешь. Иначе буду спрашивать, пока совсем не замолчишь. А «Клабочка» пусть теперь тебя защитит попробует. Она тебя всю жизнь ждала, чтоб от меня ее освободил. Вот теперь и посмотрим кто кого освободит.

ВИКТОР. Федя да ты что? Я-то тут при чем? Это же я, Витек! Федя! Клава, скажи ему! Федя, я же не виноватый, это не я...

ФЕДОР (*Хватает его за плечи и методично бьет о стену*). А кто виноватый, кто?

ВИКТОР. Не я, не я, Федя.

КЛАВДИЯ (*хватает с вешалки пальто*). Да перебейте вы тут друг друга. (*Выбегает.*)

ФЕДОР. Кто мне всю жизнь испоганил, кто?

ВИКТОР. Не я, не я, Федя!

ФЕДОР. Ты думаешь, у меня их две жизни, две, гад!

ВИКТОР. Не я, Федя, я не виноват!

ФЕДОР. А у меня она одна, слышишь – одна. И другой не будет, не будет, не будет!